

УДК 94(436).07

UDC

DOI: 10.17223/23451734/8/4

**СЛАВЯНСКИЕ РУКОПИСИ ПЕШТСКОГО МУЗЕЯ
И, В ЧАСТНОСТИ,
«РУССКАЯ» РУКОПИСЬ 1803 года
(Посвящается моему товарищу Ф.И. Успенскому)**

А.А. Кочубинский

Резюме

Работая в 1875 г. в Национальном музее Будапешта, А. Кочубинский обнаружил рукопись, названную «*Cantilenae sive specimina linguae Ruthenicae et Valachicae in Transylvania*». В ней, в частности, приведены песнопения славянских жителей – «рутен» лютеранского исповедания четырех сел Южной Трансильвании. Позже ученый пришел к выводу, что язык этих песнопений – русский. Это население было ассимилировано венграми и валахами (румынами). Однако на севере Венгрии до сих пор сохранилось русское (русинское) население. Автор показывает его численность и этнографическую границу

Ключевые слова: А. Кочубинский, русины, Венгрия, Дунайское Залесье, Трансильвания, венгры, валахи, румыны.

**SLAVIC MANUSCRIPTS OF THE MUSEUM OF PEST
AND, IN PARTICULAR, THE RUSSIAN OF 1803
(dedicated to my friend F.I. Uspenskii)**

A.A. Kochubinskii

Abstract

Working in the National Museum of Budapest in 1875, A. Kochubinskii uncovered a manuscript called “*Cantilenae sive specimina linguae Ruthenicae et Valachicae in Transylvania*”. In it, in particular, are given the songs of the Slavic inhabitants – of the “Ruthenians” of Lutheran confession from four villages of Southern Transylvania. Later the scholar came to the conclusion that the language of these songs was Russian. This population was assimilated by the Hungarians and the Vlachs (Rumanians). However, in the north of Hungary, the Russ (Rusin) population was preserved up to the present time. The author shows its numbers and ethnographic boundary.

Keywords: A.A. Kochubinskii, Rusins, Hungary, Danubian Lands "Beyond the Woods", Transylvania, Hungarians, Vlachs.

В своем третьем «Отчете о путешествии в славянские земли» («Записи Имп. Новоросс. унив.», т. XX, 1876 г.) я посвятил несколько страниц вопросу, который составит содержание настоящей статьи. Если я позволяю себе спустя шесть лет возвратиться к старому предмету, то имея в виду: 1) дать несколько более подробный отчет о просмотренных рукописях мадьярского Национального музея (Nemeth Museum) в Пеште; 2) издать полный текст церковных песнопений по «русской» рукописи 1803 – «*Cantilenae ruthenicae*» из лютеранского Кацционала – единственный оригинальный и первый по времени более значительный памятник языка славянских жителей – «руте-нов» лютеранского исповедания – четырех загадочных сел Южной Трансильвании (Семиградии), и в тот момент, когда эти «рутен-ы» уже вымирали – умирали как славяне. Текст «русских» лютеранских песнопений издается голый, без исследования языка и его народа: задача эта, вероятно, будет предметом особого труда.

Таким образом, в настоящей статье будет предложен простой материал: заметки и текст. Немногие воспоминания из моих странствований по Северной, русской Венгрии ранней осенью 1875 года нарушат, быть может, спокойный тон рассказа, за что и прошу извинения.

I

Искание русских памятников

В воскресенье, 21 сентября (ст. ст.) 1875 года, я из Межилаборца (Mezőlaborcz, ныне крайняя станция железной дороги из Перемышля, уже в Венгрии) через Гуменное (Гомонна) и Мишкольцы приехал в Пешт, окончив беглый этнографический осмотр северных комитатов Венгрии: словацких (Туроч, Липтов) и «русских» (в народе «русын» в ед. ч., «русыны людэ» во мн., без с, – Абууйварский, Землинский и Шаришский).

В Пешт я ехал в надежде добыть следы старого языка «русских людей» в Северной Венгрии. Мне не раз случалось слышать от местных русских нарекание на Пешт: «Все, что ни найдется у нас, – вещь или какая, книга, рукопись – все это забирается правительством для музея», и Пештский музей стал конечной целью моих стремлений.

25 сентября я посетил музей, величественное здание которого представляло такую противоположность убогому помещению моего старого знакомого – Чешского музея в Праге.

Прием я нашел самый приветливый. Для знакомства с отделением

славянских рукописей были предложены тотчас на просмотр шесть громадных картонов с заманчивым ярлыком: «*Manuscripta Slavica*».

Но громадные картоны были весьма легки — ясный знак, что немного внутри них было карточек славянских рукописей.

Первый картон заключал «*Codices manuscripta vetero-slavica*», т. е. церковнославянские. Но это были пять бумажных рукописей не старше XVIII века, работы сербских писцов.

Второй картон — «*Codices manuscripta Russica, Ruthenica*». С любопытством я набросился на него. Оказалось — четыре рукописи, и для меня, по-видимому, без значения: 1) «*Adoratio clem. servatoris D. N. I. Christo, saec. XVI*»; здесь же «*Celebratio*», т. е. служба Казанской Божьей Матери, прошл. стол.; 2) Манифест Петра Великого о войне 1711 года; 3) Медицинские наставления XVII века и 4) «*Cantilenae sive specimina linguae Ruthenicae et Valachicae in Transylvania, saec. XIX*», 25 p. in 4.

И четвертый номер этого картона — «Образчики русского и валашского языка в Трансильвании», несмотря на заманчивость заглавия — *ruthenicae*, не остановил было меня: пометка «XIX столетие» и 25 страниц указывала, что это какая-нибудь случайная тощенькая запись нескольких «песен» валахов, составляющих, как известно, главную массу населения Трансильвании, запись, сделанная в наши дни. Прибавка «*ruthenicae*» была несколько странной: запись русских — «русинских» — песен вместе с валашскими я объяснял себе, что она сделана или со слов русских работников откуда-нибудь из Мармароша или Землина, почти ежегодно летом отходящих от себя на юг, к мадьярам, на жнива и попавших в соседнюю Трансильванию, в какой-нибудь северо-восточный комитат ее, или в одной из русских колоний Баната, основавшихся среди валахов в половине XVIII стол. Поэтому я отметил просмотреть четвертый номер под конец, не придавая ему ни малейшего значения.

Таким образом, второй картон славянских рукописей Пештского музея не отвечал моим исканиям: весьма тощий русский отдел не давал ни одной местной русской рукописи старины, писанной где-нибудь в Северной «русской» Венгрии, хотя бы церковного или служебного содержания. Дивным образом попал в число четырех мадьярского музея экземпляр знаменитого манифеста Петра Великого «за свободу» славян (не из наследия ли союзника Петра мадьяра Ракоци?), служба Казанской Божьей Матери из самой Москвы, и в то же время — ни следа даже простой письменной деятельности из русской Венгрии, словно русские там со вчера жили тем «зверинским образом, живуще скотски» — вне христианского общения с миром, без церкви, без грамоты, без книг...

А, может быть, действительно, русские в Северной Венгрии — вчерашние пришельцы, и мы неправо требовательны?..

Только что сделанное предположение, невозможное, как мы докажем ниже, вышло в догму мадьярской науки, т. е. политики, старающейся обосноваться на науке. Нам необходимо своротить в сторону.

Новейший ученый и талантливый историк и этнограф Венгрии проф. *Гунфальви* (Hunfalvy) в своем во многих отношениях образцовом труде «Die Ethnographie von Ungarn» (нем. перевод *Швикера*, 1876) допускает русских в Северной Венгрии лишь как зашельцев лет 200 тому назад и низводит их на ступень кочевников.

Не буду говорить о том, как тщательно умалчивает автор исторической «Этнографии Венгрии» о драгоценных по собранному материалу громадных трудах венгерских ученых прошлого века: *Вагнера* («Analecta Scepussii», «Diplomatarium com. Sarosiensis»), *Бардоши* («Supplementum Analectorum ter. Scep.»), в которых можно найти любопытные указания о следах *славянского* православия в Северной Венгрии ранее XIV столетия; г. Гунфальви забывает про многие обстоятельства, которые не вправе обойти венгерский этнограф данной минуты. Позволю себе указать их.

1) Многие русские церкви в русских униатских епархиях, Мукачовской (*Мукачевской*. – С.С.) (Munkacs) и Пряшевской (Eperies, последняя с 1818 г.), несмотря на свое обычное убожество — убог и целый русский край, где часто секут на высоких пунктах Бескид, в лесных прогалинах, исключение верховье Тисы — ведут свою историю с XVII и начала XVIII стол. Пользуюсь т. наз. «схематизмами» обеих епархий, Мукачовской за 1839 год, Пряшевской за 1870. Церкви располагаются по их возврату, причем почти только тех приходов, где отмечено: «lingua ruthenica».

С 1641 года деревянная церковь Св. Параскевы в Вышнем Селище, в Мармароше (М. стр. 78).

С 1642 г. деревянная церковь Сошествия Св. Духа в Ясине (Körösmező-Also), в Мармароше. Схематизм замечает «in statu ruinoso» (М. 66).

В 1678 году была построена каменная церковь Воздвижения Креста в Ужгороде (Unghvar); до этого же времени на месте ее стояла деревянная церковь. Приход существует с половины XVI стол. (М. 226).

Приход *Rafajvéz* в Шаришском комитате существует ранее 1690 года (Пр. 170).

С 1690 г. каменная церковь Святителя Николая в селе *Eör* Сатмарского благочиния (архидиакона) Мукач. епархии. Епископ Иоанн

de Camelis, управлявший Мукачовской епархией с 1690 по 1705 год, собственноручно занес в свой «Дневник» о постройке русской церкви в Eör'e: «die 3-ia Augusti dedi licentiam D. Sigismundo Orosz, ut aedificare possit in suo pago Eör ecclesiam pro Ruthenis» (М. 220).

Знаменитый в целой Венгрии своей чудотворной иконой Богородицы василианской Успенский монастырь Maria-Pocs Саболичского благочиния, куда 15 августа, в храмовой день, стекаются массы богомольцев — русских, мадьяр, католиков и даже кальвинистов (говоря со слов тамошнего монаха), существует ранее конца XVII стол., ибо икона явилась уже в 1696 году (М. 130). Только в недавние годы живет в монастыре и католический священник, — а то братия чисто русская.

С 1701 г. деревянная церковь Архангела Михаила в Дунковиче Берегского комитата (М. 40).

С 1709 г. каменная церковь Покрова Богородицы в селе Сачуре Землинского комитата (М. 236).

С 1718 г. каменная церковь Арх. Михаила в с. Тополянах Землинского комитата (М. 248).

С 1719 г. деревянная церковь Успения в Дубриниче Сатмарского благочиния (М. 194).

С 1735 г. каменная церковь Успения в Ласковцах Землинского комитата (М. 245) и мн. др.

Далее, почти каждый русский приход имеет еще «филиальные» села, где меньше, где больше. В них нередко, несмотря на малочисленность жителей — обыкновенно менее 300 душ, есть *свои* церкви. Беру для примера Буковецкий и Стропковский уезды (*districtus*) в горах северной части Шаришского комитата.

Буковецкий уезд. Приход Дрична. В самом селе Дрична 256 душ, церковь Василия Великого; в приписных (филиальных) селах: Суха — 160 душ, но своя церковь Введения во храм; Владыча — 105 душ, но своя церковь Свят. Николая. Приход Медведже. В самом Медведже 86 душ, церковь Св. Дмитрия; в приписном селе Корейоч 73 души, деревянная церковь Покрова.

Стропковский уезд. Приход Гавай. В селе Гавай 192 души, церковь Св. Николая; в приписных: Быстра (*Bisztra-Orosz*) — 78 душ, дерев. церковь Арх. Михаила; Mákosz — 140 д., дерев. церк. Василия Великого; Сташкоч — 135 д., дерев. церк. Св. Дмитрия. Эти данные взяты из Пряшевского схематизма на 1870 год (стр. 26, 29, 166).

Наоборот, есть приписные села, которые в настоящее время своих церквей не имеют, но имели еще в прошлом столетии. Так, Пряшевский схематизм на 1870 год замечает о приписных селах прихода Пекляны (*Peklin - Orosz*) Пряшевского благочиния: «*Licsert — in hac*

filiali an. 1788 adhuc exstitit ecclesia Graeco-Catholicorum»; «*Somos-Ujfalvu* (Дриновская Новая Весь) – filialis haec an. 1788 habuit suam ecclesiam» (47).

Далее, в известном размадьярском городе Дебрецине (теперь он приписан, 134 души в 1839 году, к городу Bőszörmény-Rács) еще в конце XVII стол. была своя русская церковь – «*curatia graeco-catholica*». Известный уже нам епископ Иоанн de Camelis отметил в своем «Дневнике»: «*Patri lesaiae, monacho Montis Sancti, meo compatriotae, contuli ecclesiam Debreczinensem et subjeci ipsi sacerdotes, qui sunt circa Varadinum et Bihar*» (Мукачовский схематизм на 1839 год, стр. 123).

К слову, о старине сельских русских церквей в Северной Венгрии отмечу еще одно наблюдение.

Путешественнику резко бросается в глаза одна особенность рус. села в Венгрии: церковь, деревянная ли, низкая, в виде нескольких неуклюже сложенных бревенчатых срубов (так и у лемков в Зап. Галиции, к Попраду), или каменная, однообразной формы всюду, с высокой четырехгранной колокольней, часто с золотым куполом, обыкновенно вынесена за село. Она возвышается на пригорке или холме, восход куда всегда бывает нелегок, даже в летнюю пору. Повсеместность этого обычая говорит о его старине и самобытности. Русину, привыкшему ходить ежедневно много верст по горам, не в тяжесть подъем к его церкви, к которой он привязан, как дитя к матери. Возвышаясь над окрестностью, сельский храм всегда окружен рощицей вековых деревьев – дуб, лиственница, липа, кое-где редкий тис. Эти вековые рощицы говорят также в пользу вековой жизни и самой церкви. Крестьяне дают объяснение указанному обычаю – против пожара, и что идет он исстари. Никакой устный рассказ не помнит о его начале. Но этого мало: по обычаю располагать церковь вне села, среди деревьев, вы можете, наверное, сказать, что каждый раз, как вы заметите группу вековых деревьев (не хвойных) на возвышении вблизи села, расположенных симметрично, с пустым пространством внутри, перед вами место, где когда-то стояла сельская церковь. Нередко вы заметите такую «церковную» рощицу неподалеку от нынешней церкви – ясный знак, что нынешняя церковь, продолжая старый приход, сама не на месте старой церкви.

2) Старина русских приходов явствует и из времени правильного ведения в них церковных *метрических книг* (*matricae*). Ограничусь одной Пряшевской епархией как наиболее удаленной на запад. Метрические книги ведутся:

с 1718 года в приходе Репейов Стропковского уезда;

с 1719 г. в приходе Миклушовцы Пряшевского уезда; в схематиз-

ме на 1870 г. замечено под этим приходом: «Миклушовцы, Седлице и Суха Долина (два последних села приписные, но с своими церквами) известны уже в 1370 году как населенные поместья» (стр. 46);

с 1734 г. в приходе Пекляны Пряшевского благочиния;

с 1743 г. в приходе Миково Стропковского уезда.

Со второй половины XVIII стол. метрические книги очень часты, и мы их не отмечаем.

Но Пряшевский схематизм не указывает, на каком языке велись древнейшие метрические книги в русских приходах — на русском или латинском, как теперь? Есть вероятие полагать, что на *русском*.

В бытность мою у известного местного деятеля А. И. Добрянского в селе Чертыжном (Землинского комитата, у самой галицкой границы) я посетил соседнее село Дричну с приходской церковью, но уже Шаришского комитата. Дрична в глубокой котловине, окружена со всех сторон громадой гор, так что сообщение с ней — пешком или верхом — вообще затруднительно. Положение Дричны — это общий ландшафт русских сел в гористом Шарише. Разобщенность одного села с другим — общая черта жизни шаришских русских. Уже одно размещение русских сел Шариша говорит против мысли о их недавности.

В Дричне, в доме священника, мне показали остатки старых метрических книг из русской церкви соседней деревни *Сухой* (теперь церковь приписная к Дричне), с половины прошлого столетия. Книги были на русском языке с необходимой примесью церковнославянского, писаны полууставом, переходящим в скоропись. Для образчика языка и ввиду интереса самого факта ведения русских метрических книг в приходах Шариша в половине XVIII века я выписал начало: «Сиѧ митрика ркѧ ~~дѣ~~ѧ ~~ѣ~~ѧ почаласѧ писати за благословениемъ боголюбиваго епскапа нашего Манѧила когда и кто креститься и кто крестить и коли. Аз ереи Ивань презвитерь цркви Сѧшынскои ркѧ ~~дѣ~~ѧ ~~ѣ~~ѧ вкрестих и миром помазах во цркви Сѧшынскои младенца Стефана мсѧ декембриѧ днѧ кв ѿ родителей законно вѣнчаных; ѡтец власныи Василь Поповичъ ѡтец хресныи сынъ Бльхокого Петра Гриць, мати хресна Скомаренка Грубого жена...».

Эта «митрика» 1751 года из *Сушинской* церкви и позволяет полагать, что деловой язык русских церквей в Северной Венгрии, когда стали вводиться метрики, был местный, русский. В смежной, единой Галиции метрики начались с конца XVII стол. и были ведены на русском языке.

Таким образом, ведение русских «митрик» еще в первой половине XVIII стол. в русских церквях Шаришского и, вероятно, и других русских комитатов указывает, кажется, довольно сильно на старо-

давность русской стихии в краю, который своей убожеством не мог быть приманкой, соблазном для колонизации. Говорить о русских как недавних зашельцах-номадах нельзя.

3) Теперь «русских людэй» в Венгрии немного — несколько более ½ миллиона: в Пряшевской епархии по схематизму 1837 г. — 169 991, 1870 г. — 154 626; в Мукачовской по схематизму 1839 г. — 452 788, 1847 г. — почти столько же; но из последней епархии надо выключить тысяч сто валахов, которые отошли во вновь образованную Сатмарскую униатскую епископию, да прибавить тысяч десять русских из валашской униатской епархии Велико-Варадинской. Мукачовские схематизмы последних лет нам не случалось видеть. Едва ли можно полагать, что если теперь около полумиллиона, то в старину русских было много меньше в Венгрии, что прирост был механический — шел из Галиции. Некоторые данные позволяют утверждать, что чем дальше в старину, тем русских было больше.

а) В Пряшевской епархии число униатского, т. е. русского населения на наших глазах заметно уменьшается. Так,
по схематизму 1837 года униатов было 169 991;
по схематизму 1841 г. « » 178 226;
но по схематизму 1870 г. « » 154 626, т. е. менее на 23 600 душ, или в течение 30 лет русский элемент уменьшился на 12,2 %.

Но это уменьшение числа русских униатов Пряшевской епархии распределяется непропорционально меж комитатов, составляющих епархию:

в Абууйварском ком. — на 2,2 % (в 1841 — 22 698, в 1870 — 22 187);
в Спишском (Zips) ком. — на 5,8 % (в 1841 — 31 640, в 1870 — 29 807);

в Шаришском ком. — на 18,8 % (в 1841 — 66 487, в 1870 — 55 604);

в Землинском ком. — на 20,9 % (в 1841 — 44 037, в 1870 — 34 782).

В одном только Боршодском комитате в указанный период времени обнаружился небольшой прирост русского населения: с 11 364 оно увеличилось на 12 264 души.

Итак, самое сильное уменьшение сказалось в Землинском комитате, т. е., главным образом, на равнине, и менее — в других, в *горах*. Уменьшение в этом случае — синоним оставлению православного обряда и переходу в католичество. Революционная эпоха 48 года оказала, вероятно, свое действие на умаление.

б) Явление, которое мы только что наблюдали в регрессивном движении русского населения Пряшевской епархии на расстоянии 30 лет — 39 по 70 год, — уменьшение, и наибольшее, в *южных частях* имеет для нас особенный интерес: оно как бы воскрешает перед

нами воочию то же явление, но некогда *давно* и на целом пространстве русской земли в Венгрии.

Густое русское население в горах, меж Попрадом на з. и Верхней Тисой на в., становится все жиже по мере уменьшения гористости края, а на равнине Венгерской оно что летняя последь от весеннего разлива Тисы.

Эту форму расселенности русских — густое поселение на с. и жиденькое на юге — можно понимать двояко: или жидкое население в равнине — аванпост того, что в Бескиде, случайные выходцы, что селились то промеж валахов, то промеж мадьяр, или, наоборот, русская территория, вогнанная теперь в горы, раньше расширялась глубоко в равнину сплошной массой русского населения, т. е. движение было *отступательное*, с юга на север.

Где же большая вероятность?

Церковный приход на севере, где одно русское население, невелик числом своих прихожан и вообще мал своим пространством. Но чем далее к югу, тем приход расширяется более и более, захватывает массу земли, пока, наконец, по южной этнографической меже русского населения — приблизительно между рекой Шайо и Средней Тисой — и на восток от Тисы он не доходит до того, что приход чуть ли не комитат.

Таким образом, *фигура* прихода северного и южного — две противоположности.

Далее, в южных приходах язык обиходный двоякий — русский и мадьярский, т. е. есть *православные* (униаты) *мадьяре*, но которые, кроме мадьярской проповеди с церковной кафедры — она всегда соотнобщается с составом населения (даже в монастыре Maria-Pocs проповедь часто по-мадьярски), слушают богослужение на том же церковнославянском языке, а на литургии поют «Господи, помилуй» и поминают даже «Петра, Алексея, Иону и Филиппа». Как понимать появление православных мадьяр и с языком Кирилла в церкви?

О проповеди славянской церкви среди мадьяр никто ничего не скажет: в прозелитизме русские, как «за кордоном», так и там, на Венгерской равнине, не повинны. Обратное явление — апостатство от православия — слишком известно. Или эти православные приходы мадьяр, как, напр., Görömböly, — память о славянском православии первых мадьярских королей Гейзы, Стефана 900 лет назад?.. Но, кроме наклоненного православного креста на короне Стефана да знаменитого «мѣшца» с кирилловской славянской надписью, хранящегося в Вене среди исторических регалий Австрии, никаких осязательно-видимых следов былого православия среди мадьяр нет. Мы не говорим о *неосязательном* присутствии нашего старого пра-

вославия у нынешних мадьяр — в церковно-бытовой терминологии мадьярского языка, в словах, как *kereszt* — крест, *barat* — брат, *szerda* — среда, *csütörtök* — четверг, *péntek* — пятник, *szombat* — суббота и пр.¹

Явление православных мадьяр в русских южных приходах объясняется так же, как и появление православной славянской церкви среди соседей и часто односельчан мадьяр, среди валахов (румын). История не знает о проповеди христианства среди румын как румын; своего румынского Бонифация, Кирилла или Войтеха румыны не укажут. А между тем среди румын появляется христианство, насколько помнит память людская, именно в форме православной славянской церкви, со славянским богослужебным языком, с тем, что и у всех православных славян. Если история молчит о румынском Кирилле, она права: среди предков нынешних румын православная славянская церковь формировалась по мере усвоения православными славянами Трансильвании и прилегающих областей, получившими свое православие от апостольской деятельности Кирилла и Мефодия в Паннонии, романского языка прямых потомков выселенцев Римской империи и забвения своего, т. е. по мере их добровольной румынизации, тянувшейся века. Отсюда церковь продолжала жить старая, славянская, в то время как заново регенеровавшаяся паства ее уже перестала вполне понимать язык ее и формировала из себя иное племя — особь, громадное племя румын — на глазах истории. Сюда не входит вопрос, чем обусловилась добровольная румынизация у славян. Таким-то путем очутилась православная славянская церковь Кирилла и Мефодия в пастве, отчуждившейся от ее языка, не понимавшей его... Ошибка доселешних толкователей заключалась именно в том, что то, что *делалось* незаметно, веками, они понимали как сразу совершившееся и тщетно искали румынских национальных Кирилла и Мефодия или прибегали (историки румын) к невозможным гипотезам, вроде что до Флорентийской унии (½ XV стол.) румыны были не православные, а латынники.

Vice versa, православные мадьяре — это только *омадьярившиеся русские*, мадьярившиеся незаметно, веками.

По усвоении мадьярского языка прежде русские перестают живо чувствовать потребность в старой церкви своих предков — она им становится чужда своим языком — и отходят легко в мадьярское католичество или в мадьярский кальвинизм. Отсюда-то непомерная

¹ В последние годы правительство Пешта занято вопросом о замене церковнославянского языка в церквях православных мадьяр мадьярским. В настоящую минуту эту замену желают распространить на русские и румынские приходы (см. хорв. газету «Obzor», 1881, № 39).

обширность русского прихода на юге, в равнине, числящего десятки сел с десятками своих душ в каждом. Отсюда в южном приходе число православных более и более умалывается, и где еще в прошлом столетии были русские, православные и имели *свои церкви*, теперь церквей нет. Пример этому мы имели выше в Дебрецине.

Таким образом, постепенная, если позволено так выразиться, *дерусизация* бассейна Средней Тисы и Шайо в пользу мадьярского элемента объясняет различие фигуры русского прихода юга — равнины и севера — гор, указывает, что денационализационное движение шло с юга, движение русских было *отступательное*, а не *наступательное*. Негромкая, но вековая борьба — ассимиляция двух народностей — новый исторический документ о давности русской стихии в Северной Венгрии, а не о номадстве русских еще вчера.

Если на юге и юго-западе русский переходил в мадьяра, то на юго-востоке он румынился: на него наступал также негромко валах-пастух — он оставлял свой язык, и русский элемент отступал к северу.

В Велико-Варадинской валашской униатской епархии есть еще не одно густонаселенное село русских, русских немало и в городах. Так, город *Varad-Olaszi* — 514 русских (по В. Варадинскому схематизму 1854 года), а в 12 его филлах — 97 русских; из этих филлий отметим: *Beregh-Böszörmény*, где всего 5 русских, но форма *Берег* явно русского языка, город *Bihar* — 5 русских, но о русском приходе здесь упоминает еще известный уже нам епископ de Camelis (см. выше); села: *Kakad* (приход с 1730 года), *Nagy-léta* (приход с 1752 г.), *Atsád* (приход с 1740 г.) — во всех трех селах церкви во имя Благовещения; города *Nagy-Karoly*, «pro parte Ruthenorum», приход с 1746 года, метрические книги с того же года, тогда как в том же городе, «pro parte Ruthenorum», хотя и «parochia antiqua», но метрические книги лишь с 1779 года.

Кроме того, есть немало сел, уже чисто румынских, но названия которых, особенно определение *orosz*, т. е. *русское*, говорят, что первые поселенцы здесь были русские. Таковы *Kis-Oroszi*, *Orosz-háza*, *Orosz-lános*, *Orosz-falu* («parochia antiqua»); *Cserepes*, *Cseres-Temes*, *Zsidovin* (чит. Жидовин), *Csernegy-háza* (чит. Чернедь-Хаза), *Cserno-háza* и др.

Мы опускаем топографические названия *юсовые*, как *Kis-Dombrovicza*, и на *-шту*, как *Dobresty*, *Rotoresty*.

Конечно, если из фактов действительности желать выжать политический капитал для своих соотечественников, тогда все вышеприведенные указания и соображения — без значения. А к этой цели, к сожалению, и стремится ученый автор «Этнографии Венгрии», как это видно из его заключительных слов: «из народностей Венгрии,

— говорит г. Гунфальви, — нет ни одной, которая была бы туземной — все пришельцы; но среди них старейшие пришельцы — мадьяре»...

Правда, об исторических показаниях нотариия короля Белы — о русских союзниках Арпада — можно и не говорить, когда речь, и в окончательной форме, о времени появления «русских людей» в Венгрии, в Бескидских комитатах и южнее: но сослаться на знаменитых лодочников — «Ruods» и засим считать лишним говорить о предках бойков и лемков (так «по-уличному» прозываются русские по сю и ту сторону Карпат) нельзя.

Вот почему полное отсутствие в Пештском национальном музее, где есть прекрасные собрания из кельтской и римской эпох, какого бы то ни было следа книжной, письменной деятельности венгерских русских, листка местной рукописи, — явление непонятное. В соседней Галиции в любом собрании, общественном или частном, в Институте ли Оссолинских, или в библиотеке многоуважаемого каноника А.С. Петрушевича у св. Юра, не один местный письменный памятник русской старины, говорящей, что всегда были там книжные русские люди, любили русскую книгу, письмо и помимо знаменитой Клиросской рукописи 1144 года.

Чем объяснить? Ужели и здесь надо искать руку политики в действии?!..

Но возвращаемся к оставленным картонам славянских рукописей Пештского музея.

II

Инорусские рукописи

Третий картон славянских рукописей Пештского музея — «Codices manuscripta *Serbico-illyrica*»: семь карточек рукописей без значения для меня. В интересе славянского текста Нового Завета можно было отметить пергаменную рукопись XIV-XV в., а в интересе литературной истории сербов в прошлом столетии — «Произведения исторические и поэтические» *Арсения Поповича*.

Четвертый картон — «Codices man. *Croatica*». Рукописи вообще нового времени: одна юридическая, XVI в., материалы для истории Зринского и Франкопана, некоего *Посветила* (*Posuetil*) «*Abelis mors, tragoedia e latino in slauicum versa per an. 1756*». Судя по имени автора, *in slavicum* можно понимать и *по-чешски*.

Пятый картон — «Codices man. *Slovenica*», т. е. рукописи, и довольно численные по счету, *чешско-словацкие*, самого разношерстного содержания, составленные, очевидно, случайно, но местные, из Венгрии. Здесь я нашел:

№ 36. Агенда «чешских братьев» (Jednota), XVII в.

№ 7. Bartholomeides «Historia persecutionis protestantium» (1792 г.).

№ 15, fol. slav. «Carmina occasionalia varia idiomate slavico», XVIII в., 14 стр.

№ 44, quart. sl. boh. «Christi vita», чешская рукопись XVI в., 321 стр.

№ 25, quart. sl. «Conciones slavicae ad populum Puchoviensem», 1600–1640, cod. saec. XVIII, 510 стр.

№ 24, quart. sl. Holveith «Epitome gramaticae slavicae», 1737 года, 53 стр.

№ 5, fol. sl. Ribay «Literaria bohemo-slavica».

№ 2, quart. sl. Ero же «Lucubrationes de lingua et natione Slavorum».

№ 3, oct. sl. boh. Ero же «Specimen vocum».

№ 34, quart. sl. Simonides «Conciones dominicales slavicae», XVII века.

№ 6, fol. sl. Procopius «Dictionarium slavico-latinum» XVIII века, в двух томах.

№ 6, duod sl. «Cantus et orationes in ecelesiis hungaricis», XVII века, 500 стр.

№ 40, quart. slav. boh. Milič Jon. «Liber», 290 стр. Вероятно, это рукопись Милича († 1372) «Knižky o zarmúceních», о которой упоминает Юнгманн в своей «Истории чешской литературы» (2 изд., 1849, стр. 43), что она в 4, 1519 года, была у Рыбая.

№ 30, quart. sl. boh. Comenii «Praxis pietatis», 1630 года, 234 стр. Вероятно, оригинал известного печатного текста под тем же заглавием.

Шестой картон – «Cod. man. Polonica», три незначущих рукописи.

Этим исчерпываются карточки славянских рукописей.

Было ясно, что вообще отделение славянских рукописей Центрального государственного музея Венгрии скучно. Явление это довольно странно. Если даже небольшой Словацкий музей в Турчанском Св. Мартине (Szent-Marton) в течение немногих лет своего существования (с 1864 по 1874, когда он был насильственно закрыт) успел собрать значительное количество местных славянских рукописей XVII и XVIII стол.¹ и собрал бы еще больше, то ясно, что собирать есть где, лишь бы была охота. Не могу здесь не вспомнить интересной статьи в IX томе издававшегося до 1874 года журнала Словацкой матицы в Св. Мартине «Летопис» под заглавием «Старый

¹ См. краткие отчеты в журнале Словацкой матицы в Св. Мартине «Летопис», издававшемся с 1864 по 1874 год (вышло 10 томов), I, 92, II, 59, VIII, 2, 112 и др.

славянский крест». Здесь описан православный медный крест с изображением Христа, арх. Гавриила, Михаила и др. святых, и между прочим *Прокопа*, с *кирилловскими* грубыми надписями (к статье два рисунка креста), найденный в земле при оранье поля в Сомоде близ Майки (здесь некогда был бенедиктинский монастырь) в 1852 году (выпуск 2, стр. 50 и след.). Находка подобного креста крайне странная; но, к сожалению, неизвестно, в чьих руках теперь этот православный крест, так что нельзя проверить чтения и толкования автора статьи. Я сделал это указание, чтобы напомнить, что почва Венгрии для славянского археолога старейшей исторической поры - Паннонской - и затем последующей, до окончательного утверждения католицизма, классическая. В 1875 г. Пештская академия наук отправила ученую экспедицию для археологического исследования гор. Нитры и Нитрянского епископства (а оно с эпохи Мефодия Моравского), исследования архивов, описания древностей: может быть, что-нибудь и нашлось интересное для слависта; но о результатах экспедиции мне ничего неизвестно.

Черствое равнодушие, если не враждебность к каждому проявлению былой славянской мысли, жизни в Венгрии низводит Пештский национальный музей из общегосударственного учреждения - наглядная картина возможно полной прошлой жизни Венгрии - до значения приюта чопорного патриотизма. Тенденциозное отношение Пештского правительства к интересам науки грубо обнаружилось в его образе действий с бедным Словацким музеем в Св. Мартине: в 1874 г. музей был закрыт, книги, собрания опечатаны («панславянская пропаганда»); в августе следующего года я был в Св. Мартине - и музей все еще был опечатан, след., недоступен ни для кого. Хоть бы в Пешт привезли собрания музея и присоединили к своему, и то - ни тебе, ни мне.

Для своих первых целей я не нашел ничего. Я спросил некоторые рукописи пятого, т. е. словацкого картона: *Carmina occasionalia* и литературные и ученые материалы еванг. пастора Рыбая (†1813), известного сотрудника-корреспондента знаменитого И. Добровского по местным славянским вопросам.

Carmina occasionalia. Небольшой сборник школьных виршей половины прошлого века на чешском языке, но плод музы словацкой, и вирши, глав. обр., надгробные. Учитель Korbely плачет над гробом некоего Benda Martina в Чернянской школе в 1760 году, органист Павлович - в Модене в 1772 году. Для биографии Рыбая могут быть несколько интересны его стихи над гробом Адама Привницкого в Щавницах, когда сам он еще был кандидатом на место пастора: «Pohřebnj uctiwost w krátké rádečky uwedená, 1783, 17 zárj řjkana w

kostole Sstáwnickém, které z lasky k zemřelému sepsal, a sam přěřital po kázanj pohřebnjm Giřj Ribay, tehdaz čekanec řadu kazatelského...».

Как видно из последних строк, в виршах и язык, и правописание чешские, с обычными уступками местному говору: кое-где *r* вм. *ř*, неточное обозначение долготы. Таким чешским языком говорят и теперь словаки-лютеране.

Ribay Georg. «Lucubrationes de lingua et natione Slavorum in Hungaria».

Это собственноручные заметки того же Юрия Рыбая, о котором было упомянуто только что выше, его черновые материалы и статьи в числе девяти номеров. Из них более интересны:

1) Первые опыты Рыбая в чешском языке, стр. 1–31.

3) «*Sylloge vocum formularumque loquendi, quae vel obsoletae sunt hodie, vel singulari significato aut construendi ratione notatu dignae habentur inter Slavos Hungarie*», стр. 51–58, т. е. указания некоторых архаических, по мнению Рыбая, слов в нынешнем языке словаков. Напр. «*biecs* (читай *běč*) fuga - na biecs se otdachu», от гл. корня *бег* – ср. неопр. в великорусском *бечи, бечь; csrparlo*, что в чешском *čerpadlo* – черпак.

Если первое указание имеет кое-какой интерес, то второе никакого. Вероятно, эти замечания Рыбая были сообщены и Добровскому.

4) «*Observations de flexione tam nominum, quam verborum antiquis Bohemis usitata*» - любопытные для своего времени материалы по изучению языка старочешских памятников в школе Добровского.

Так, собраны примеры употребления в старочешском двойств. числа, форма наст. вр., аориста - стр. 61 и след.

Верно замечено о природе двугласных современного чешского яз. в старину и сравнительно с нынешним словацким. Рыбай говорит: «*diphtongos antiqui Bohemi tunc distincte ut hodie neque pronunciabant: mudru, sud, quod etiam num in quibusdam Moraviae regionibus, apud nos, Hungariae Slavos, obtinet*» - стр. 65 и сл. В связи с этим Рыбай указывает в склонении и спряжении: «*in nominum verborumque inflexione haud raro receditur ab hodierna bohémica dialecto, magisque ad eam, quae in quibusdam Moraviae locis etiamnum obtinet, declinatur: mrauow, možes, držal, day, choway*», т. е. вместо того, как теперь чех говорит: *mravů, můžes, držel, dej, chovej*.

Немногие палеографические замечания о правописании старочешских рукописей XIII-XIV века: «*w raro occurrit, sed ejus loco plerunque ponitur u*».

5) Историко-этнографические заметки о словаках по трудам Антона, Добровского и М. Бела, стр. 81 - 102. Бела, известного географа Венгрии прошлого века (†1749), Рыбай имел рукописное сочине-

ние «Notitia Hungariae nova. Pars I, tomus 5, complectens comitatum Trencsin – in manuscripto».

8) «Grammatical Slavo-Bohemica: a) De studio linguae bohemicae; b) De differentia et classibus Slavorum in Hungaria; c) Idioticum Slavo-bohemicum; d) Vocabularium hungarico-slavicum, seu verba Hungaris communia», стр. 139-181.

Под б) – об особенностях словацкого наречия - Рыбай ведет сравнение звуков родного языка и литературного чешского:

«a pro e – dussa.

č pro st – čerewa pro strewa (!), čeressně, (т. е. в м. чеш. třešně) čerenowy pro tržnowy (!).

dz, dy pro d; e pro j (т. е. í) – poťessenje; o pro e – srdco; o pro u – lono; r pro rz, rje pro rz... Verbum - som, bou, chodju, chodeu, peu, piu, dau, tau», т. е. слов. o в м. чеш. e (=ě), чеш. u, ý в м. u.

Под с) в словаре мадьярских слов, общих с словацкими, – более всего одна фантазия.

9) Сборник 680 народных словацких пословиц. По Юнгманну («История чеш. лит-ры», VI, № 145), рукопись Рыбаевой «Книги пословиц чешских и словацких» находилась и у Юрия Палковича (†1850).

Как кажется, все эти «lucubrationes», т. е. черновые бумаги, служили Рыбаю материалом для ученой переписки с Добровским, которая продолжалась более 25 лет. В «Переписке Добровского» - обширных материалах, собранных изв. чешскими библиографом г. Патерой, письма Рыбая к знаменитому аббату занимают большое место.

Ribay G. «Litteraria bohémico-slavica».

Как и предшествующий номер, собрание большей частью собственноручных материалов Рыбая, но литературного содержания. 6 статей.

1) «Zpráva o wsselijakých knihach českých a slowenských, we trech djlech obsažena». Это каталог книг из собственной библиотеки Рыбая и посторонних, 44 листа.

2) «Ribay Projectum Instituti sive Societatis Slavo-bohemicae inter Slavos in Hungaria erigendae, an. 1793», т. е. план основания ученого общества среди словаков. По мысли составителя плана, предметы занятий ученого общества имели быть следующие:

А) «Ipsa natio Slavica» – история, география, antiquitates (старина, обычаи);

Б) «Literatura Slavica» – памятники и рукописи словацкие, печатные издания, сделанные славянами, славянские типографии, школы и пр.

С) «Lingua Slavica». Язык должен быть рассмотрен всесторонним образом:

а) «*Fata ejus et vicissitudines in Hungaria*» - историческое изучение языка славян в Венгрии. «*Necessitas studii ejus* (языка славян в Венгрии), *publica et privata, in omni statu et vitae genere ostendenda. Ex. gr. dicunt domini juristae, quid sit dussnjik et dussnjcy et udvarnik in Códice Hungarico Minore? An Hungarus suam linguam ad leges* (здесь одного слова не разобрал) *et philologiae revocabit, nisi slavicas voces Hungaris usitatas dignoscere et dijudicare sciat - abuvitz, ablak asztal?»*. Рыбай указывает необходимость изучения славянского языка в Венгрии в интересе общественном - ввиду массы слов славянского происхождения не только в обиходном мадьярском языке — как *обувь* (?), *облок* (окно в словац.), *стол*, но в действующем венгерском законодательстве, как *dušnik, dvornik*. Постановка этого вопроса — изучение славянского элемента в мадьярском — свидетельствует о понимании задач славянской филологии у скромного протестантского пастора-словака.

б) «*Studium linguae philologicum*, ibi: 1) originationes vocum investigandae inprimis ex aliis cognatis linguis, ex. gr. *vterek* a russo *wtory*; 2) voces et phrases bohemicae Slavis (у словаков) usitatae; 3) voces et phrases apud Slavos usitatae bonae et noxae, colligendae et adhibendae priusquam novae fingendae; 4) proverbia bohémica et slavica, seu adagia sedulo colligenda».

в) «*Criticum linguae studium*: ob 1) voces et phrases antiquae; 2) dialectus variorum civitatum et locorum attendendae et observandae; 3) relaxio ejus investiganda ad linguas in Hungaria et alibi vigentes — ad Hungaricam, Polonicam, Moravicam, Ruthenicam, Vandalicam, Croaticam, Germanicam, Turcicam, Zingaricam, Latinam, Graecam...».

Г) «*Modus et media*»: библиотека, добровольные сборы денег, типография, издание книг.

Как ясно из приведенных точек «Проекта», задачи Словацкого ученого общества резюмируются так:

1) *Этнографико-историческое* изучение языка словаков и других славянских народностей, прежде всего в Венгрии; изучение говоров, собирание народных пословиц (уже у знаменитого автора первой чешской грамматики, словака Бенедикта из Нудожер, †1615, обращено внимание на пословицы; в первой словацкой грамматике Бернолака 1790 года, объявившего разрыв с чешским языком, помещен довольно значительный сборник тех же пословиц); историческое изучение словацкого языка в связи с чешским; собрание и исследование славянского элемента в мадьярском.

2) *Сравнительное* изучение словацко-чешского языка в связи, прежде всего, с родными славянскими языками, а затем с языками родственными (турецкий язык попал, вероятно, по ошибке).

План Славянской академии у словаков Рыбая преследовал самые широкие цели - и в то же время поставленные на научную, а не на фантастическую почву, хотя, конечно, намечая правильно задачи, Рыбай не мог не понимать, как мало наличные ученые средства его словаков могли отвечать его патриотическим стремлениям. Но самая постановка вопросов, правильно схваченных, приносит бесспорную честь Рыбаю.

Научно-патриотические планы словацкого пастора, сотрудника Добровского, вполне отвечали духу его эпохи - гуманной эпохе иозефинизма, оживившей прежнюю мертвенную жизнь австрийской монархии. «Проект» Рыбая писан в 1793 году, а за три года перед тем вышло замечательное руководство по географии Венгрии Игнатия *de Luca*: «Geographie des Königr. Ungarn und der angränzender Länder Illyrien und Siebenbürgen» (в Вене), в котором автор, венский высокий чиновник, смело ратует за подъем местных языков в Венгрии - мадьярского и славянских. *De Luca* говорит: «С правления Иосифа в основу положен немецкий язык; все дела производились большей частью на нем; теперь, вероятно, мог бы сделаться деловым языком в канцеляриях мадьярский (*die ungerische*). Если Венгрия должна поскорее созреть для культуры, то единственное средство - сделать мадьярский язык всецело господствующим; *но это разумеется по отношению к действительным мадьярам*. Что же касается остальных жителей Венгрии, то объявление законов должно быть на том языке, который господствует в краю, откуда те родом. За это требование говорит свое слово гуманность» (стр. 203).

Широко шагали прекрасные затеи пастора Рыбая; но рано было думать о каком-нибудь их осуществлении. Сам зачинщик Словацкой академии всю свою долгую жизнь ограничился скромной ролью поставщика местного славянского материала в Прагу для Добровского. Только накануне своей смерти в 1812 г. Рыбай имел удовольствие видеть некоторые свои старые замыслы в жизни: в 1812 г. патриоты-евангелики — сам Рыбай, Лових, Голуби, Таблиц, Себерини и другие — основали в Баньской Быстрице «Словацкое литературное общество» («*Slovenská literární Spoločnosť Baňska*») для поддержания чешско-словацкой литературы; благодаря деятельности этого общества была открыта кафедра чешского языка в Штявницком лицее¹.

Собрание пословиц Рыбая (см. выше), конечно, пополняет «*Adagia*», что приложены к грамматике Бернолака; но оно осталось в кабинете. Как трудно, недоступно было этнографическое изучение Венгрии даже в первой четверти нынешнего столетия, видно из жа-

¹ «*Letopis Matice Slovenskej*», ročník I (Вена, 1864), стр. IV.

лобы знаменитого ученика Добровского, Шафарика, когда он, живя в Южной Венгрии, в Новом Саде, не мог достать никакими путями сколько-нибудь точных сведений о числе русских и словаков в Северной Венгрии для своей «Истории славянских литератур» (вышла в 1826 году).

На затронутый Рыбаем вопрос об участии славянского языка в мадьярском последовал, правда, ответ, и скоро, но со стороны мадьяра: в 1799 году трансильванец, доктор медицины Самуил Gyarmathi издал богатую для своего времени книгу «Affinitas linguae hungaricae cum linguis fennicae originis... nec non vocabularia dialectorum tataricarum et slavicarum cum hungarica comparata» (Gottingae, XXVI + 380)¹. После Gyarmathi трудно было бредить мадьярским этимологам, сделались невозможны утверждения таких даже серьезных людей, как, напр., знаменитый полигистор Трансильвании, современник Рыбая Benkő, который доказывал, что мадьярское *szomszéd*, т. е. наше сжсъдь, «ex *szóm*, id est vocem, et *szedő*, h. e. colligens, ut est natura linguae Hungaricae»².

Земляк Рыбая Юрий Палкович и чех Юнгманн, оба младшие современники Рыбая, занялись собирать «voces et phrases»: в 1821 году вышел «Böhmisch-deutschlateinisches Wörterbuch, mit Beyfügung der den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten» Ю. Палковича (2 тома, Пресбург); а в 1835 – «Slownik česko-německý» (1-й том, Прага).

Наконец, «voces et phrases bonae et poxae» - предмет, которым в настоящую минуту занимаются чешские «Brusy» - на «kazimluy» - «оселки» против «оскорбителей» языка.

Возвращаемся к оставленным литературным материалам Рыбая.

¹ Об этом замечательном филологическом труде доктора медицины прошлого века, прошедшем у современников и позже едва замеченным, мы только что нашли, и к нашему особенному удовольствию, следующий высокосимпатичный отзыв знаменитого немецкого ориенталиста наших дней Г. Габеленца. Сказав, что первый толчок к новому изучению языков дан был философией XVIII в., Габеленц продолжает: «Затем пришел второй. В 1799 г. Gyarmathi сравнил грамматически одну часть языков финского (угрского) поколения относительно их сродства. Что его труд не открыл собой эпохи подобным образом, как вскоре после - работы Боппа и Гримма, вина этого лежала не в его направлении, но в избранном предмете». «Die Ostasiatische Studien und die Sprachwissenschaft» в журнале «Unsere Zeit», 1881, 2, стр. 279).

² «Transilvania, sive Magnus Transilvaniae principatus». Pars prior, t. I (Vindobonae, 1778), стр. 454.

3) Разные словарные выметки.

4) Замечания на языке Библии в русском переводе Фр. Скорины и на хорватский перевод Нового Завета по Тюбингенскому изданию 1563 года, но писанные не рукой Рыбая.

5) Небольшие замечания на латинском языке и также не руки Рыбая о *славянских рукописях и старопечатных книгах в епископской (русской) библиотеке в Мукачове*. Вероятно, кто-нибудь из русских священников в Мукачове делал эти краткие заметки по личной просьбе Рыбая в связи с замыслами последнего о Словацком учебном обществе. Интересна первая заметка как свидетельство (если только автор сам не ошибался), что в конце прошлого столетия в кафедре русского епископа были еще старые русские, след., местные рукописи.

«§ 1. Porro (заметки из Мукачова, вероятно, без начала), - говорит неизвестный автор, - in eadem bibliotheca Eppali Munkacsiensi multo plures (раньше была речь о словацко-чешских рукописях?) numerantur veteres codices, inprimis liturgici, in lingua potissimum Slavoliterali, sed jam ad Russicam-Ukrainensem (т. е. со следами малорусского наречия), jam ad Polonicam, jam ad Croaticam et Dalmaticam (сербской рецензии?), hic illic flexa, tum *manuscripti*, tum etiam typographici, quorum aetatem et locum editionis ob defectum initialium et finalium paginarum, defectum item legum Paleologiae Slavicae, huc dum assequi non licuit».

Последнее признание - осторожное и вполне совестливое. Достаточно вспомнить, что много позже знаменитый славянофил канцлер Румянцев писал митрополиту Евгению в минуту отчаяния: «Да когда же у нас будет славянская палеография? Полагайте начало!»..

Далее следует коротенькое описание старейшей, по мнению анонимного автора, славянской печатной книги в библиотеке мукачовского епископа - Четвероевангелия, изданного в Брашове (Кронштадт в Седмиградии) «жупаном Ханьшем Бегнером». Автор не ошибся, ибо Брашевское евангелие около 1500 года. По справке с «Описанием славяно-русских книг» И. Каратаева (вып. I, СПб., 1878) оказывается (стр. 22), что это известие мукачовского сотрудника Рыбая о Четвероевангелии Бегнера - тот источник, из которого славянские библиографы впервые узнали об этой старопечатной книге, доселе, впрочем, стоящей под следствием: Добровский получил сведения о ней от Рыбая, а от Добровского узнали другие. Заметим, что у г. Каратаева ошибочно стоит, что экземпляр Брашевского евангелия находится в Мункаче и в скобках — Унгваре. Если он и теперь есть, то только в Унгваре (Ужгороде), столице мукачовского епископа, а не в Мункаче (Мукачове), как и в то время, когда дано было первое

известие об этом евангелии анонимом для Рыбая - Добровского: в Мукачове кафедра была до 1780 г.

Ясно, так. образом, что ввиду заявления мукачовского библиофила прежде высказанная нами мысль о непременном существовании славяно-русских рукописей, особенно богослужебных, в былое время в православных церквях русской Венгрии, о существовании русского книжного дела там получает новое подтверждение - если только, повторяем, в словах очевидца-корреспондента Рыбая из Ужгорода нет ошибки.

Нельзя не спросить потому: да где же делись эти былые «*veteres codices*»? По слухам, в Ужгороде старины нет. Посетил я лично старый Краснобродский монастырь, но ничего не нашел. Не забудем еще одного обстоятельства. Русских униатских (до половины XVIII в. — православных) монастырей в настоящее время немного — шесть: но до церковной реформы Иосифа II их было больше. Иосиф II закрыл русские монастыри: Uglya, Baranya, Bedö, Barzanfalwa - мукачовской епархии (тогда единственной) — и все они в Мармароше¹. Где их архивы?

Может быть, существуют, но припрятаны страха ради и русские грамоты. Такие фамилии, как Андраши, гр. Старай, русского происхождения. О гр. Старае рассказывал мне даже один из местных русских, что он нечаянно видел у него пергаментные грамоты кирилловского письма; но при его появлении они были тотчас же упрятаны.

Итак, когда-то существовали местные русские рукописи. Но теперь местные ученые мало заинтересованы своей стариной; Рыбай же не являются. А поколение пытливых галицко-русских ученых, как Головацкий, Петрушевич, — этих бескорыстных патриотов, которые много потрудились для исследования русского края по сю и по ту сторону Бескида (Головацкий в 30-х годах рыскал с опасностью жизни промеж угорских русских), в самой Галиции сменяется людьми, которые забывают служить своей бедной русской родине.

(Продолжение следует)

Одесса. 11 февраля 1881

Источник: Кочубинский А.А.. Славянские рукописи Пештского музея и, в частности, «русская» рукопись 1803 года (Посвящается моему товарищу Ф.И. Успенскому) // Русский филологический вестник. 1881. Т. 5. С. 180–207.

¹ *Ign. de Luca*, op. c., стр. 343.

Source: Kochubinskii A.A. Slavic Manuscripts of the Museum of Pest and, in particular, the Russian of 1803 (dedicated to my friend F.I. Uspenskii). *Russkii filologicheskii vestnik [Russian Philological Newsletter]*. 1881. Vol. 5. pp. 180–207.

Кочубинский Александр Александрович (1845–1907) – уроженец Кишинева, русский историк, филолог, славист, профессор кафедры славяноведения Новороссийского университета, действительный статский советник. Автор многочисленных трудов по истории славяноведения, языкознанию, истории западных славян и южных славян. Ряд работ ученого посвящен истории и языку русинов Карпатской Руси и Трансильвании, а также Молдавского княжества (Бессарабии). Благодаря А. Кочубинскому в научный оборот были введены новые источники по истории русинов.

Aleksandr A. Kochubinskii (1845–1907) – born in Kishinev, a Russian historian, philologist, slavist, professor of the New-Russian University of the Faculty of Slavic Studies, actual state advisor. Author of numerous works in the history of Slavistics, linguistics, history of the Western and Southern Slavs. A series of the scholar's works were dedicated to the history and language of the Rusins of the Carpathian Rus' and Transylvania as well as of the Moldavian Principality (Bessarabia). Thanks to A. Kochubinskii new sources regarding the history of the Rusins were brought into scholarly circles.